

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

И. А. Крылов

БАСНИ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Басни/ И. А. Крылов ; Худож. О. и А. Ивановы //РОСМЭН, Москва, 2016
ISBN: 978-5-353-07204-1
FB2: Наталия Цветкова "nvcvet", 13.09.2016, version 1.0
UUID: 55d907d6-7382-11e6-ad2f-0cc47a520474
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Иван Андреевич Крылов

Басни

(Внеклассное чтение (Росмэн))

Вот уже более двухсот лет басни И. А. Крылова читают и любят и взрослые, и дети. В книгу вошли самые известные басни: «Ворона и Лисица», «Слон и Моська», «Квартет», «Стрекоза и Муравей», «Зеркало и Обезьяна» и другие, без которых представить себе русскую культуру совершенно невозможно.

Содержание

М. А. Мельниченко Путь к басне	0006
Кукушка и Петух	0008
Стрекоза и Муравей	0010
Мартышка и Очки	0012
Ларчик	0014
Слон и Моська	0016
Квартет	0019
Лисица и Виноград	0022
Ворона и Лисица	0024
Свинья под Дубом	0026
Волк и Ягнёнок	0028
Трудолюбивый Медведь	0032
Мышь и Крыса	0033
Осёл и Соловей	0035
Щука и Кот	0038
Туча	0042
Осёл и Мужик	0043
Волк и Кот	0046
Демьянова уха	0048
Кот и Повар	0052
Петух и Жемчужное Зерно	0054
Зеркало и Обезьяна	0056
Белка	0058
Филин и Осёл	0060
Щука	0062

Листы и Корни	0065
Скворец	0068
Любопытный	0071
Волк и Журавль	0073
Мешок	0075
Две Собаки	0078
Водопад и Ручей	0081
Тришкин кафтан	0083
Чиж и Голубь	0085
Бумажный Змей	0086
Волк на псарне	0088
Обезьяна	0091
Пчела и Мухи	0094
Волк и Лисица	0097
Обоз	0099
Слон на воеводстве	0102
Синица	0104
Свинья	0107
Лебедь, Щука и Рак	0109
Собака и Лошадь	0110
Кукушка и Орёл	0112

Иван Крылов

Басни

М. А. Мельниченко

Путь к басне

И. А. Крылов, «дедушка Крылов», вошёл в русскую литературу как великий баснописец. Ни до него, ни после никто не превзошёл его в этом жанре. Однако сам он далеко не сразу отыскал свою нишу, и его путь к славе оказался долгим и непростым.

Иван Андреевич Крылов родился 2 (13) февраля 1769 года в Москве в семье армейского офицера. В отличие от других поэтов начала XIX века, Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, И. А. Крылов не получил хорошего образования, но зато с детства много читал, а ещё немало времени проводил среди простого народа, подмечая обычаи, нравы, впитывая живой русский язык. Когда отец умер, Крылов с матерью переехал в Петербург. Здесь он увлёкся театром, писал пьесы, издавал журналы и заслужил репутацию насмешника и вольнодумца. В духе идей эпохи Просвещения он верил, что человеческие пороки, как болезни, нужно выявлять и искоре-

нять, и надеялся, что читатель, увидев в зеркале сатиры свои пороки, посмеётся над ними и станет чуточку лучше. Однако, очевидно, не всем понравилось своё отражение, и Крылову пришлось провести несколько лет вдали от столицы.

В 1806 году он вернулся в Петербург, и тут наконец ему улыбнулась удача. Почти сорокалетний Крылов взялся за басни: сначала перевёл несколько произведений французского баснописца Лафонтена, а вскоре стал создавать свои собственные. Лёгкие, остроумные, мудрые, они принесли поэту настоящую всенародную славу. До самой старости Крылов служил в Публичной библиотеке, писал басни и создал их больше двухсот. Скончался он 9 ноября 1844 года, а в 1855 году в Летнем саду Санкт-Петербурга был установлен памятник Крылову, существующий и по сей день. И поставлен он был на деньги благодарных читателей, полюбивших его басни всей душой, как наверняка полюбишь их и ты.

Кукушка и Петух

«Как, милый Петушок, поёшь ты громко, важно!» —

«А ты, Кукушечка, мой свет,
Как тянешь плавно и протяжно:

Во всём лесу у нас такой певицы нет!» —

«Тебя, мой куманёк, век слушать я готова». —

«А ты, красавица, боюсь,
Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,

Чтоб началá ты снова...
Отколь такой берётся голосок?

И чист, и нежен, и высок!..
Да вы уж родом так: собою невелички,

А песни, что твой соловей!»

—
«Спасибо, кум; зато, по совести моей,
Поёшь ты лучше райской птички,
На всех ссылаюсь в этом я».
Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!

Хоть вы охрипнете, хваля друг
дружку,—
Всё ваша музыка плоха!..»

За что же, не боясь греха,
Кукушка хвалит Петуха?
За то, что хвалит он Кукушку.

Стрекоза и Муравей

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поёт:
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!»
– «Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило».

– «А, так ты...» – «Я без души
Лето целое всё пела». —
«Ты всё пела? Это дело:
Так поди же, попляши!»

Мартышка и Очки

Мартышка к старости слаба гла-
зами стала;

А у людей она слыхала,
Что это зло ещё не так боль-
шой руки:

Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она до-
стала;

Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмёт, то их на
хвост нанижет,

То их понюхает, то их поли-
жет;

Очки не действуют никак.
«Тьфу пропасть! – говорит она, –
и тот дурак,

Кто слушает людских всех
врак:

Всё про Очки лишь мне на-
лгали;

А проку на-волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с
печали

О камень такхватила их,
Что только брызги засверка-
ли.

К несчастью, то ж бывает у
людей:
Как ни полезна вещь, – цены не
зная ей,
Невежда про неё свой толк всё к
худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он её ещё и гонит.

Ларчик

Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть
там,
Где сто́ит только догадаться
За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера
Ларец,
Отделкой, чистотой Ларец в гла-
за кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным
любовался
Вот входит в комнату механики
мудрец,
Взглянув на Ларчик, он сказал:
«Ларец с секретом,
Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен
в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и Ларчик вам от-
крою:
В механике и я чего-нибудь да
стою».
Вот за Ларец принялся он:
Верти́т его со всех сторон

И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку
пожсимает.

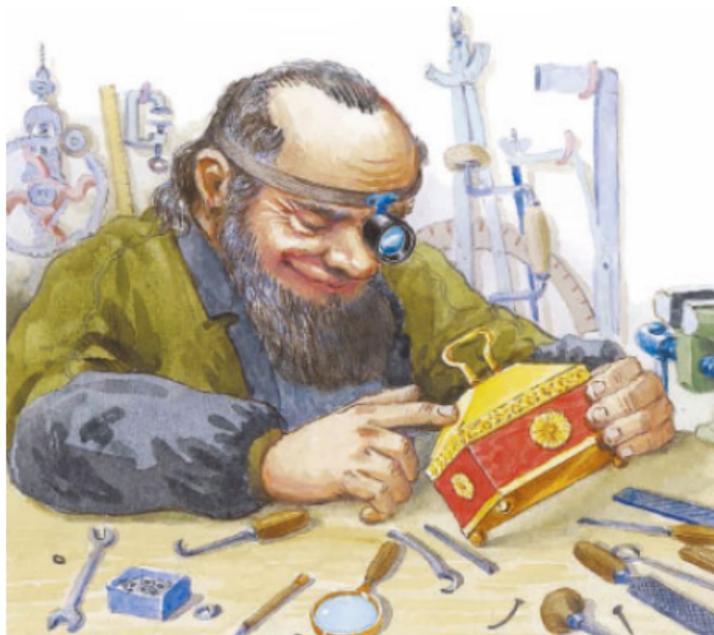
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж
собой.

В ушах лишь только отдаётся:
«Не тут, не так, не там!» Меха-
ник пуще рвётся.

Потел, потел; но, наконец,
устал,

От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не до-
гадался:

А Ларчик просто открывался.

Слон и Моська

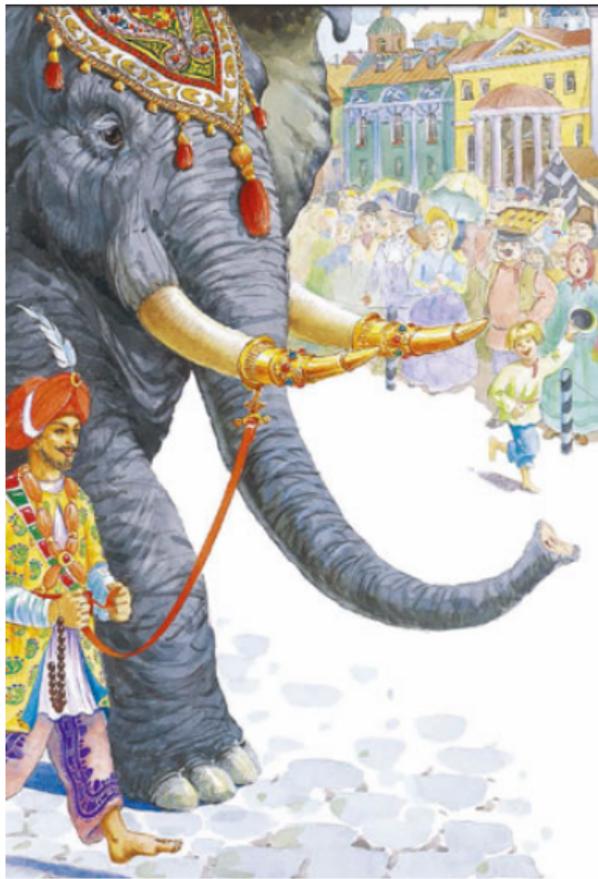
*По улицам Слона водили,
Как видно, напоказ —
Известно, что Слоны в диковинку
у нас —*

*Так за Слоном толпы зевак хо-
дили.*

*Отколе ни возьмись, навстречу
Моська им.*

*Увидевши Слона, ну на него ме-
таться,*

И лаять, и визжать, и

рваться,

*Ну, так и лезет в драку с
ним.*

*«Соседка, перестань сра-
миться, —*

*Ей шавка говорит, – тебе ль с Сло-
ном возиться?*

Смотри, уж ты хрипишь, а он се-

бе идёт

Вперёд

И лаю твоего совсем не примечает». —

«Эх, эх! – ей Моська отвечает,

—

Вот то-то мне и духу придаёт,

Что я, совсем без драки,

Могу попасть в большие забияки.

Пускай же говорят собаки:

«Ай, Моська! знать, она сильна,

Что лает на Слона!»

Квартет

*Проказница-Мартышка,
Осёл,
Козёл*

*Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет.
Достали нот, басá, альтá, две
скрипки*

*И сели на лужок под липки, —
Пленять своим искусством
свет.*

*Ударили в смычки, дерут, а толку
нет.*

*«Стой, братцы, стой! – кричит
Мартышка. —*

Погодите!

*Как музыке идти? Ведь вы не так
сидите.*

*Ты с басом, Мишенька, садись про-
тив альтá,*

*Я, прима, сяду против вторы[1]
;*

*Тогда пойдёт уж музыка не та:
У нас запляшут лес и горы!»
Расселись, начали Квартет;
Он всё-таки на лад нейдет.
«Постойте ж, я сыскал сек-*

рет! —

Кричит Осёл, – мы, верно, уж
поладим,

Коль рядом сядем».

Послушались Осла: уселись чинно
в ряд;

А всё-таки Квартет нейдет на
лад.

Вот пуще прежнего пошли у них
разборы

И споры,

Кому и как сидеть.

Случилось Соловью на шум их
прилететь.

Тут с просьбой все к нему, чтоб
их решить сомненье.

«Пожалуй, – говорят, – возьми на
час терпенье,

Чтобы Квартет в порядок наш
привести:

И ноты есть у нас, и инструмен-
ты есть,

Скажи лишь, как нам сесть!»

—

«Чтоб музыкантом быть, так
надобно уменье

И уши ваших понежней, —

*Им отвечает Соловей, —
А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь».*

Лисица и Виноград

*Голодная кума Лиса залезла в сад;
В нём винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разго-
релись,
А кисти сочные, как яхонты, го-
рят;
Лишь то беда, висят они высо-
ко:
Отколь и как она к ним ни зай-*

дѣт,

Хоть видит око,
Да зуб неймѣт.

Пробившись попусту час целой,
Пошла и говорит с досадою: «Ну,
что ж!

На взгляд-то он хорош,
Да зелен – ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьѣшь».

Ворона и Лисица

*Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но
только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет
уголок.*

*Вороне где-то бог послал кусочек
сыру;*

*На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж со-
бралась,*

*Да позадумалась, а сыр во рту
держала.*

*На ту беду Лиса близёхонько
бежала;*

*Вдруг сырный дух Лису остано-
вил:*

*Лисица видит сыр, Лисицу сыр пле-
нил.*

*Плутовка к дереву на цыпочках
подходит;*

*Вертит хвостом, с Вороны глаз
не сводит*

*И говорит так сладко, чуть
дыша:*

«Голубушка, как хороша!

Ну что за шейка, что за
глазки!

Рассказывать, так, право,
сказки!

Какие пёрушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен
голосок!

Спой, светик, не стыдись! Что
ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты ма-
стерица, —

Ведь ты б у нас была царь-
птица!»

Вещуньяна с похвал вскружилась
голова,

От радости в зобу дыханье
спёрло,

И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во всё воронье
горло:

Сыр выпал – с ним была плутовка
такова.

Свинья под Дубом

*Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до от-
вала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, вста-
ла*

И рылом подрывать у Дуба корни
стала.

«Ведь это дереву вредит, —
Ей с Дубу Ворон говорит, —
Коль корни обнажишь, оно засох-
нуть может». —

«Пусть сохнет, — говорит Сви-
нья, —

Ничуть меня то не тревожит;
В нём проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не
пожалю,
Лишь были б жёлуди: ведь я от
них жирею». —

«Неблагодарная! — промолвил Дуб
ей тут, —

Когда бы вверх могла поднять
ты рыло,

Тебе бы видно было,
Что эти жёлуди на мне рас-
тут».

Невежда также в ослепленье
Бранит науки и ученье,
И все учёные труды,
Не чувствуя, что он вкушает их
плоды.

Волк и Ягнёнок

У сильного всегда бессильный виноват:

Тому в Истории мы тьму примеров слышим,

*Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях гово-*

рят.

Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться;

И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный
рыскал Волк.

Ягнёнка видит он, на добычу
стремится;

Но, делу дать хотя законный вид
и толк,

Кричит: «Как смеешь ты, наглец,
нечистым рылом

Здесь чистое мутить питьё

Моё

С песком и с илом?

За дерзость такову

Я голову с тебя сорву». —

«Когда светлейший Волк позво-
лит,

Осмелюсь я донести, что ниже по
ручью

От Светлости его шагов я на сто
пью;

И гневаться напрасно он из-
волит:

Питья мутить ему никак я не
могу». —

«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дер-
зость в свете!
Да помнится, что ты ещё в за-
прошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил;
Я этого, приятель, не забыл!»

—
«Помилуй, мне ещё и от роду
нет году», —
Ягнёнок говорит. «Так это был
твой брат». —
«Нет братьев у меня». — «Так это
кум иль сват
И, словом, кто-нибудь из вашего
же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пасту-
хи,

Вы все мне зла хотите
И, если можете, то мне всегда
вредите,
Но я с тобой за их разведуюсь[2]
грехи». —
«Ах, я чем виноват?» — «Молчи!
устал я слушать,
Досуг мне разбирать вины твои,
щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется

*мне кушать».
Сказал и в тёмный лес Ягнёнка
поволок.*

Трудолюбивый Медведь

Увидя, что мужик, трудясь над дугами,

Их прибыльно сбывает с рук
(А дуги гнут с терпеньем и не

вдруг),
Медведь задумал жить такими же трудами.

Пошёл по лесу треск и стук,
И слышно за версту проказу.

Орешника, березника и вязу
Мой Мишка погубил несметное число,

А не даётся ремесло.

Вот идёт к мужику он попросить совета

И говорит: «Сосед, что за причина эта?

Деревья-таки я ломать могу,
А не согнул ни одного в дугу.

Скажи, в чём есть тут главное уменье?» —

«В том, — отвечал сосед, —

Чего в тебе, кум, вовсе нет:

В терпенье».

Мышь и Крыса

«Соседка, слышала ль ты добрую молву? —

*Вбежавши, Крысе Мышь сказа-
ла, —
Ведь кошка, говорят, попалась в
когти льву?»*

Вот отдохнуть и нам пора настала!» —

«Не радуйся, мой свет, —
Ей Крыса говорит в ответ, —
И не надейся по-пустому!
Коль до когтей у них дойдет,
То, верно, льву не быть живому:
Сильнее кошки зверя нет!»

Я сколько раз видал, приметьте
это сами:

Когда боится трус кого,
То думает, что на того
Весь свет глядит его глазами.

Осёл и Соловей

*Осёл увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка,
дружнице!
Ты, сказывают, петь великий ма-
стерище.
Хотел бы очень я*

Сам посудить, твоё услышав
пенье,
Велико ль подлинно твоё уме-
нье?»

Тут Соловей являть своё искус-
ство стал:

Защёлкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, перели-
вался;

То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью от-
давался,
То мелкой дробью вдруг по роще
рассыпáлся.

Внимало всё тогда
Любимцу и певцу Авроры[3]:
Затихли ветерки, замолкли пти-
чек хоры,

И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им лю-
бовался

И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке
улыбался.

Скончал певец. Осёл, уставясь в
землю лбом:

«Изрядно, – говорит, – сказать
неложно,

Тебя без скуки слушать
можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом;
Ещё б ты боле наострился,
Когда бы у него немножко по-
учился».

Услыша суд такой, мой бедный
Соловей
Вспорхнул и – полетел за триде-
вять полей.

Избави бог и нас от таких судей.

Щука и Кот

*Беда, коль пироги начнёт печь са-
пожник,
А сапоги тачать пирожник,
И дело не пойдёт на лад.
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое брать-*

*ся любит,
Тот завсегда других упрямей и
вздорней:*

*Он лучше дело всё погубит
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих лю-
дей*

Спросить иль выслушать разумного совета.

Зубастой Щуке в мысль пришло

За ко́шачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль её лукавый мучил,
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?

Но только вздумала Кота она просить,

Чтоб взял её с собой он на охоту,

Мышей в анбаре половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свет, работу? —

Стал Щуке Васька говорить. —
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:

Недаром говорится,
Что дело мастера боится».

—
«И, полно, куманёк! Вот невидаль: мышей!

Мы лавливали и ершей». —
«Так в добрый час, пойдём!» Пошли, засели.

Натешился, наелся Кот,
И кумушку проведать он идёт;
А Щука, чуть жива, лежит, рази-
нув рот, —

И крысы хвост у ней отъели.
Тут видя, что куме совсем не в си-
лу труд,
Кум замертво стащил её обрат-
но в пруд.

И дельно! Это, Щука,
Тебе наука:
Вперёд умнее быть
И за мышами не ходить.

Туча

*Над изнурённою от зноя сторо-
ною*

*Большая Туча пронеслась;
Ни каплею её не освежа одною,
Она большим дождём над морем
пролилась*

*И щедростью своей хвалилась
пред Горюю.*

*«Что сделала добра
Ты щедростью такую? —
Сказала ей Гора. —*

*И как смотреть на то не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты
пролила,*

*Ты б область целую от голода
спасла:*

*А в море без тебя, мой друг, воды
довольно».*

Осёл и Мужик

*Мужик на лето в огород
Наняв Осла, приставил
Ворон и воробьёв гонять нахаль-
ный род.*

*Осёл был самых честных пра-
вил:*

Ни с хищностью[4], ни с кражей
незнаком,

Не поживился он хозяйским ни
листочком

И птицам, грех сказать, чтобы
давал потачку;

Но Мужу барыш был с огорода
плох.

Осёл, гоняя птиц, со всех ослиных
ног,

По всем грядам и вдоль и попе-
рёк

Таковую поднял скачку,
Что в огороде всё примял и при-
топтал.

Увидя тут, что труд его про-
пал,

Крестьянин на спине осли-
ной

Убыток выместил дубиной.
«И нїшто![5] – все кричат, – ско-
тине поделом!

С его ль умом
За это дело братья?»

А я скажу, не с тем, чтоб за Осла
вступаться;

Он, точно, виноват (с ним сделан

и расчёт),

Но, кажется, не прав и тот,
Кто поручил Ослу стеречь свой
огород.

Волк и Кот

Волк из лесу в деревню забежал,
Не в гости, но живот спасая;
За шкуру он свою дрожал:
Охотники за ним гнались и гон-
чих стая.

Он рад бы в первые тут шмыг-
нуть воротá,

Да то лишь горе,
Что все воротá на запоре.
Вот видит Волк мой на заборе
Кота

И молит: «Васенька, мой друг!
скажи скорее,

Кто здесь из мужичков добрее,
Чтобы укрыть меня от злых мо-
их врагов?

Ты слышишь лай собак и страш-
ный звук рогов!

Всё это ведь за мной». – «Проси
скорей Степана;

Мужик предобрый он», – Кот Вась-
ка говорит.

«То так; да у него я ободрал бара-
на». —

«Ну, попробуйся ж у Демьяна».

«Боюсь, что на меня и он сердит:

Я у него унёс козлёнка». —

«Беги ж, вон там живёт Трофим». —

«К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я с ним:

Он на меня с весны грозитя за ягнёнка!» —

«Ну, плохо ж! Но авось тебя укроет Клим!» —

«Ох, Вася, у него зарезал я телёнка!» —

«Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил, —

Сказал тут Васька Волку, —

Какую ж ты себе защиту здесь сулил?

Нет, в наших мужичках не столько мало толку,

Чтоб на свою беду тебя спасли они.

И правы, — сам себя вини:

Что ты посеял — то и жни».

Демьянова уха

*«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай». —
«Соседушка, я сыт по горло». —
«Нужды нет,
Ещё тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сваре-*

на!» —

«Я три тарелки съел». — «И, полно, что за счёты:

Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ешь до дна!
Что́ за уха! Да как жирна:
Как будто янтарём подёрнулась
она.

Потешь же, миленький дружок!

Вот лещик, потроха, вот стерляди
кусочек!

Ещё хоть ложечку! Да кланяйся,
жена!» —

Так потчевал сосед Демьян соседа
Фоку

И не давал ему ни отдыху, ни сро-
ку;

А с Фоки уж давно катился гра-

дом пот.

Однако же ещё тарелку он берёт:

Сбирается с последней силой
И – очищает всю. «Вот друга я
люблю! —

Вскричал Демьян. – Зато уж чван-
ных не терплю.

Ну, скушай же ещё тарелочку,
мой милой!»

Тут бедный Фока мой,
Как ни любил уху, но от беды та-
кой,

Схватя в охапку
Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой —
И с той поры к Демьяну ни но-
гой.

Писатель, счастлив ты, коль дар
прямой имеешь;

Но если помолчать вовремя не
умеешь

И ближнего ушей ты не жале-
ешь,
То ведай, что твои и проза и сти-
хи

Тошнее будут всем Демьяновой

ухи.

Кот и Повар

Какой-то Повар, грамотей,
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил
И в этот день по куме тризну
правил),
А дома стеречи съестное от мышей

Кота оставил.

Но что же, возвратясь, он видит?
На полу
Объедки пирога; а Васька Кот в углу,

Припав за уксусным бочонком,
Мурлыча и ворча, трудится над курчонком.

«Ах ты, обжора! ах, злодей! —

Тут Ваську Повар укоряет, —

Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?

(А Васька всё-таки курчонка убирает.)

Как! быв честным Котом до этих пор,

Бывало, за пример тебя смирен-
ства кажут, —

А ты... ахти, какой позор!
Теперь все соседи скажут:
«Кот Васька плут! Кот

Васька вор!

И Ваську-де, не только что в
поварню,

Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в ов-

чарню:

Он порча, он чума, он язва здеш-
них мест!»

(А Васька слушает, да ест.)

Тут ритор[6] мой, дав волю слов
теченью,

Не находил конца нравоученью.

Но что ж? Пока его он
пел,

Кот Васька всё жаркое
съел.

А я бы повару иному

Велел на стенке зарубить:

Чтоб там речей не тратить по-
пустому,

Где нужно власть употребить.

Петух и Жемчужное Зерно

*Навозну кучу разрывая,
Петух нашёл Жемчужное Зерно*

*И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так
ценят?
А я бы, право, был гораздо боле*

рад
Зерну Ячменному: оно не столь
хоть видно,
Да сытно».

*Невежи судят точно так:
В чём толку не поймут, то всё у
них пустяк.*

Зеркало и Обезьяна

*Мартышка, в Зеркале увидя образ
свой,*

*Тихохонько Медведя толк но-
гой:*

*«Смотри-ка, – говорит, – кум
милый мой!*

Что это там за рожа?

Какие у неё ужимки и прыжки!

*Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на неё хоть чуть была
похожа.*

*А ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк
пять-шесть:*

*Я даже их могу по пальцам пере-
честь». —*

*«Чем кумушек считать тру-
диться,
Не лучше ль на себя, кума, оборо-
титься?» —*

Ей Мишка отвечал.

*Но Мишенькин совет лишь попу-
сту пропал.*

*Таких примеров много в ми-
ре:*

Не любит узнавать никто себя в сатире.

Я даже видел то вчера:
Что Климыч на руку нечист, все это знают;

Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.

Белка

В деревне, в праздник, под окном
Помещичьих хором,
Народ толпился.

На Белку в колесе зевал он и дивился.

Вблизи с берёзы ей дивился тоже
Дрозд:

Так бегала она, что лапки лишь
мелькали

И раздувался пышный хвост.
«Землячка старая, – спросил тут
Дрозд, – нельзя ли

Сказать, что́ делаешь ты
здесь?» —

«Ох, милый друг! тружусь день
весь:

Я по делам гонцом у барина большого;

Ну, некогда ни пить, ни есть,
Ни даже духу перевести». —

И Белка в колесе бежать пустилась снова.

«Да, – улетаю, Дрозд сказал, – то
ясно мне,

Что ты бежишь, а всё на том же
ты окне».

Посмотришь на дельца иного:
Хлопочет, мечется, ему дивятся
все:

Он, кажется, из кожи рвётся,
Да только всё вперёд не подаётся,
Как Белка в колесе.

Филин и Осёл

Слепой Осёл в лесу с дороги
сбился

(Он в дальний путь было пу-
стился).

Но к ночи в чащу так забрёл мой
сумасброд,

Что двинуться не мог ни взад он,
ни вперёд.

И зрячему бы тут не выйти из
хлопот,

Но Филин вблизи, по счастью,
случился

И взялся быть Ослу проводни-
ком.

Все знают, Филины как ночью
зорки:

Стремнины, рвы, бугры, при-
горки,

Всё это различал мой Филин буд-
то днём

И к утру выбрался на ровный
путь с Ослом.

Ну, как с проводником таким
расстаться?

Вот просит Филина Осёл, чтоб с
ним остаться,

И вздумал изойти он с Филином
весь свет.

Мой Филин господином
Уселся на хребте Ослином,
И стали путь держать; счастли-
во ль только?

Нет:

Лишь солнце на небе поутру заиг-
рало,
У Филина в глазах темнее ночи
стало.

Однако ж Филин мой упрям;
Ослу советует и вкось и впрям.
«Остерегись! – кричит, – направо
будем в луже».

Но лужи не было, а влево вышло
хуже.

«Ещё левей возьми, ещё левее
шаг!»

И – бух Осёл, и с Филином, в
овраг.

Щука

*На Щуку подан в суд донос,
Что от неё житья в пруде не ста-
ло;*

*Улик представлен целый воз,
И виноватую, как надлежало,
На суд в большой лохани при-*

несли.

Судьи невдалеке собирались;
На ближнем их лугу пасли;
Однако ж имена в архиве их оста-
лись:

То были два Осла,
Две Клячи старые, да два иль три
Козла;
Для должного ж в порядке дел
надзора
Им придана была Лиса за Проку-
рора.

И слух между народа шёл,
Что Щука Лисыньке снабжала
рыбный стол;
Со всем тем, не было в судьях ли-
цеприязни[7],

И то сказать, что Щукиных
проказ
Удобства не было закрыть на
этот раз.
Так делать нечего: пришло пи-
сать указ,
Чтоб виноватую предать позор-
ной казни

И, в страх другим, повесить на
суку.

«Почтенные судьи! – Лиса тут

приступила,—
Повесить мало, я б ей казнь опре-
делила,
Какой не видано у нас здесь на ве-
ку:

Чтоб было впредь плутám и
страшно и опасно —

Так утопить её в реке». — «Пре-
красно!» —

Кричат судьи. На том решили все
согласно,

И Щуку бросили — в реку!

Листы и Корни

*В прекрасный летний день,
Бросая по долине тень,
Листы на дереве с зефирами шеп-
тали,
Хвалились густотой, зелёностью
своей*

И вот как о себе зефирам толковали:

«Не правда ли, что мы краса долины всей?

Что нами дерево так пышно и кудряво,

Раскидисто и величаво?

Что б было в нём без нас?

Ну, право,

Хвалить себя мы можем без греха!

Не мы ль от зноя пастуха
И странника в тени прохладной
укрываем?

Не мы ль красотью своей
Плясать сюда пастушек
влекать?

У нас же раннею и позднею зарей
Насвистывает соловей.

Да вы, зефиры[8], сами
Почти не расстаётесь с нами». —

«Примолвить можно бы спасибо тут и нам», —

Им голос отвечал из-под земли смиренно.

«Кто смеет говорить столь нагло и надменно!

Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с на-
ми стали?» —
Листы, по дереву шумя, залепета-
ли.

«Мы те, —
Им снизу отвечали, —
Которые, здесь роясь в темно-
те,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коем вы цве-
тёте.

Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу
меж нас:
Что с новою весной лист новый
народится
А если корень иссушится, —
Не станет дерева, ни вас».

Скворец

*У всякого талант есть свой.
Но часто, на успех прельщаяся чужой,*

*Хватается за то иной,
В чём он совсем не годен.
А мой совет такой:*

Берись за то, к чему ты сроден,
Коль хочешь, чтоб в делах успешный был конец.

Какой-то смолоду Скворец
Так петь щеглёнком научился,
Как будто бы щеглёнком сам родился.
Игривым голоском весь лес он веселил.

И всякий Скворушку хвалил.
Иной бы был такой доволен частью;
Но Скворушка услышь, что хвалят соловья, —
А Скворушка завистлив был, к несчастью, —

И думает: «Постойте же, друзья,

Спою не хуже я
И соловьиным ладом».
И подлинно запел,
Да только лишь совсем особым складом:

То он пищал, то он хрипел,

То верещал козлёнком,
То не путём Мяукал он ко-
тёнком;

И, словом, разогнал всех
птиц своим пеньём.
Мой милый Скворушка, ну, что́ за
прибыль в том?

Пой лучше хорошо щеглён-
ком,
Чем дурно соловьём.

Любопытный

«Пряатель дорогой, здорово!
Где ты был?» —
«В Кунсткамере, мой друг! Часа
там три ходил;
Всё видел, высмотрел; от удив-
ленья,

Поверишь ли, не станет ни
уменья

Пересказать тебе, ни сил.

Уж подлинно, что там чудес
палата!

Куда на выдумки природа торова-
та!

Каких зверей, каких там птиц я
не видал!

Какие бабочки, букашки,

Козявки, мушки, таракашки!

Одни как изумруд, другие как ко-
ралл!

Какие крохотны коровки!

Есть, право, менее булавочной го-
ловки!» —

«А видел ли слона? Каков собой на
взгляд!

Я чай, подумал ты, что гору
встретил?» —

«Да разве там он?» — «Там». — «Ну,
братец, виноват:

Слона-то я и не приметил».

Волк и Журавль

Что волки жадны, всякий знает:

*Волк, евши, никогда
Костей не разбирает.*

За то на одного из них пришла беда:

Он костью чуть не подавил-
ся.

Не может Волк ни охнуть, ни
вздохнуть;

Пришло хоть ноги протя-
нуть!

По счастью, близко тут Жу-
равль случился.

Вот кой-как знаками стал Волк
его манить

И просит горю пособить.

Журавль свой нос по шею
Засунул к Волку в пасть и с труд-
ностью большею

Кость вытащил и стал за труд
просить.

«Ты шутишь! – зверь вскричал
коварный, —

Тебе за труд? Ах ты, неблаго-
дарный!

А это ничего, что свой ты долгий
нос

И с глупой головой из горла цел
унёс!

Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперёд ты мне не по-
падайся».

Мешок

*В прихожей на полу,
В углу,
Пустой мешок валялся.
У самых низких слуг
Он на обтирку ног нередко помы-
кался[9];*

Как вдруг
Мешок наш в честь попался
И, весь червонцами набит,
В окованном ларце в сохранности
лежит.

Хозяин сам его лелеет,
И бережёт Мешок он так,
Что на него никак
Ни ветер не пахнёт, ни муха
сесть не смеет;

А сверх того с Мешком
Весь город стал знаком.
Приятель ли к хозяину приходит:
Охотно о Мешке речь ласкову за-
водит;

А ежели Мешок открыт,
То всякий на него умильно так
глядит;

Когда же кто к нему подсядет,
То верно уж его потреплет иль
погладит.

Увидя, что у всех он стал в такой
чести,

Мешок завеличался,
Заумничал, зазнался,
Мешок заговорил и начал вздор
нести;

О всём и рядит он и судит:

И то не так,
И тот дурак,
И из того-то худо будет.
Все только слушают его, разинув
рот;
Хоть он такую дичь несёт,
Что уши вянут:
Но у людей, к несчастью, тот
порок,
Что им с червонцами Мешок
Что ни скажи, всему дивиться
станут.

Две Собаки

*Дворовый верный пёс
Барбос,
Который барскую усердно службу
нёс,
Увидел старую свою знакомку,*

Жужу́, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушке, на
окне.

К ней ластяся, как будто бы к
родне,

Он, с умиленья, чуть не плачет

И под окном

Визжит, верти́т хвостом

И скачет.

«Ну что, Жужутка, как жи-
вёшь,

С тех пор как господа тебя в хоро-
мы взяли?»

Ведь помнишь: на дворе мы часто
голодали.

Какую службу ты несёшь?» —
«На счастье грех роптать, — Жу-
жутка отвечает, —
Мой господин во мне души не ча-
ет;

Живу в довольстве и добре,

И ем, и пью на серебре;

Резвлюся с барином; а ежели
устану,

Валяюсь по коврам и мягкому ди-
вану.

Ты как живёшь?» — «Я, — отве-
чал Барбос,

Хвост плетью опустя и свой пове-
ся нос, —

Живу по-прежнему: терплю и
холод,

И голод,

И, сберегаячи хозяйский дом,
Здесь под забором сплю и мокну
под дождём;

А если невпопад залаю,
То и побои принимаю.

Да чем же ты, Жужу, в случа́й
попал[10],

Бессилен бывши так и мал,
Меж тем как я из кожи рвусь на-
прасно?

Чем служишь ты?» — «Чем слу-
жишь! Вот прекрасно!—

С насмешкой отвечал Жужу. —
На задних лапках я хожу».

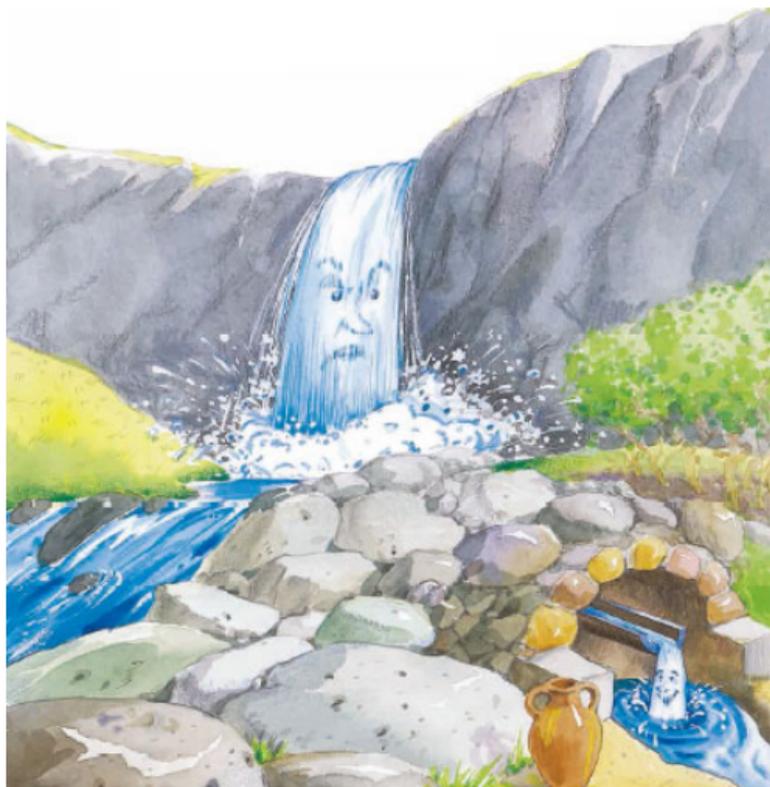
Как счастье многие находят
Лишь тем, что хорошо на задних
лапках ходят!

Водопад и Ручей

*Кипящий Водопад, свергаясь со скал,
Целебному ключу с надменностью сказал
(Который под горой едва лишь был приметен,
Но силой славился лечебною своей):
«Не странно ль это? Ты так мал,
водой так беден,
А у тебя всегда премножество гостей?
Не мудрено, коль мне приходит кто дивиться;
К тебе зачем идут?» – «Ле-*

читься», —
Смиренно прожурчал Ручей.

Тришкин кафтан

У Тришки на локтях кафтан
продрался.
Что долго думать тут? Он за иг-
лу принялся:

По четверти обрезал рукавов

И локти заплатил. Кафтан
опять готов;

Лишь на́ четверть голее руки
стали.

Да что до этого печали?
Однако же смеётся Тришке
всяк,
А Тришка говорит: «Так я же не
дурак

И ту беду поправлю:
Длиннее прежнего я рукава на-
ставляю».

О, Тришка малый не про-
стой!

Обрезал фалды он и полы,
Наставил рукава, и весел Тришка
мой,

Хоть носит он кафтан та-
кой,

Которого длиннее и камзо-

лы.

Таким же образом, видал я, иногда

Иные господа,
Запутавши дела, их поправляют,
Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.

Чиж и Голубь

Чиж захлопнула злодейка-западня:

Бедняжка в ней и рвался, и метался,

А Голубь молодой над ним же издевался.

«Не стыдно ль, – говорит, – средь бела дня

Попался!

Не провели бы так меня:

За это я ручаюсь смело».

Ан, смотришь, тут же сам запутался в силок.

И дело!

Вперёд чужой беде не смейся, Голубок.

Бумажный Змей

*Запущенный под облака,
Бумажный Змей, приметя свысо-
ка*

*В долине мотылька,
«Поверишь ли! – кричит, – чуть-
чуть тебя мне видно;*

Признайся, что тебе завидно
Смотреть на мой высокий столярный
полёт». —

«Завидно? Право, нет!
Напрасно о себе ты много так
мечтаешь!
Хоть высоко, но ты на привязи ле-
таешь.

Такая жизнь, мой свет,
От счастья весьма далёко;
А я, хоть, правда, невысоко,
Зато лечу
Куда хочу;
Да я же так, как ты, в забаву для
другого,
Пустого
Век целый не трещу».

Волк на псарне

Волк ночью, думая залезть в овчарню,

Попал на псарню.

Поднялся вдруг весь псарный двор.

Почуя серого так близко забияку,

Псы залились в хлевах и рвутся
вон на драку;

Псаря кричат: «Ахти, ребята,
вор!» —

И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.

Бегут: иной с дубьём,
Иной с ружьём.

«Огня! – кричат; – огня!» Пришли
с огнём.

Мой Волк сидит, прижавшись в
угол задом,

Зубами щёлкая и оцетиня
шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех
он съесть;

Но, видя то, что тут не перед
стадом,

И что приходит, наконец,
Ему расчесться за овец,—

Пустился мой хитрец
В переговоры

И начал так: «Друзья! К чему весь
этот шум?

Я, ваш старинный сват и
кум,
Пришёл мириться к вам, совсем
не ради ссоры;

Забудем прошлое, уставим общий
лад!

А я не только впредь не трону
здешних стад,

Но сам за них с другими грызться
рад

И волчьей клятвой утвер-
ждаю,

Что я...» – «Послушай-ка, со-
сед,—

Тут ловчий перервал в от-
вет,—

Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру
знаю;

А потому обычай мой:
С волками иначе не делать ми-
ровой,

Как снявши шкуру с них до-
лой».

И тут же выпустил на Волка гон-
чих стаю.

Обезьяна

*Как хочешь ты трудись;
Но приобрести не лъстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нет в твоих трудах ни поль-
зы, ни забавы.*

Крестьянин на заре с сохой
Над полосой своей трудился;
Трудился так крестьянин
мой,

Что градом пот с него ка-
тился:

Мужик работник был пря-
мой.

Зато, кто мимо ни прохо-
дит,

От всех ему: спасибо, испо-
лать![11]

Мартышку это в зависть
вводит.

Хвалы приманчивы, – как их не по-
желать!

Мартышка вздумала тру-
диться:

Нашла чурбан, и ну над ним во-
зиться!

Хлопот

Мартышке полон рот:
Чурбан она то понесёт,
То так, то сяк его обхватит,
То поволóчет, то покатит;
Рекой с бедняжки льётся
пот;

И, наконец, она, пыхтя, насилу

дышит:

А всё ни от кого похвал себе не слышит.

И не диковинка, мой свет!
Т рудишься много ты, да пользы в этом нет.

Пчела и Мухи

*Две Мухи собрались лететь в чужие край
И стали подзывать с собой туда
Пчелу:*

*Им насаказали попугаи
О дальних сторонах большую похвалу.*

Притом же им самим казалось обидно,

*Что их, на родине своей,
Везде гоняют из гостей;
И даже до чего (как людям то не стыдно,*

И что они за чудачки!):
Чтоб поживиться им не дать
сластями

За пышными столами,
Придумали от них стеклянны
колпаки;

А в хижинах на них злодеи пауки.
«Путь добрый вам, – Пчела на это
отвечала, —

А мне

И на моей приятно стороне.
От всех за соты я любовь себе
сыскала —

От поселян и до вельмож.

Но вы летите,

Куда хотите!

Везде вам будет счастье то ж:
Не будете, друзья, нигде, не быв
полезны,

Вы ни почтенны, ни любезны.

А рады пауки лишь будут вам

И там».

Кто с пользою отечеству тру-
дится,

Тот с ним легко не разлучится;
А кто полезным быть способно-
сти лишён,

*Чужая сторона тому всегда приятна:
Не бывши гражданин, там мене презрен он,
И никому его там праздность не досадна.*

Волк и Лисица

Охотно мы дарим,
Что нам не надобно самим.
Мы это басней поясним,
Затем, что истина сноснее впо-
лоткрыта.

Лиса, курятинки накушавшись до-
сыта
И добрый ворошок припрятавши в
запас,
Под стогом прилегла вздремнуть
в вечерний час.
Глядит, а в гости к ней голодный
Волк тащится.

«Что, кумушка, беды! – он гово-
рит. —

Ни косточкой не мог нигде я по-
живиться;

Меня так голод и морит;
Собаки злы, пастух не спит,
Пришло хоть удавиться!» —

«Неужли?» – «Право так». –
«Бедняжка куманёк!
Да не изволишь ли сенца? Вот це-
лый стог:

Я кому услужить готова».

А куму не снца, хотелось бы мяс-
нова —

Да про запас Лиса ни слова.
И серый рыцарь мой,
Обласкан по уши кумой,
Пошёл без ужина домой.

Обоз

С горшками шёл Обоз,
И надобно с крутой горы спус-
каться.
Вот, на горе других оставя дожи-
даться,
Хозяин стал сводить легонько
первый воз.
Конь добрый на крестце почти
его понёс,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый
шаг:
«Ай, конь хвалёный, то-то
диво!
Смотрите: лепится, как
рак;
Вот чуть не зацепил за камень;
косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять.
А тут бы влево лишь принять.
Какой осёл! Добро бы было в
гору
Или в ночную пору, —
А то и под гору, и днём!
Смотреть, так выйдешь из

терпенья!

Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!

Гляди-тко нас, как мы махнём!

Не бойсь, минуты не потра- тим,

И возик свой мы не свезём, а скатим!»

Тут, выгнувши хребет и понату- жа грудь,

Тронулася лошадка с возом в путь;

Но только пód гору она перева- лилася,

Воз начал напирать, телега рас- катилась;

Коня толкает взад, коня кидает вбок;

Пустился конь со всех четы- рёх ног

На славу;

По кáмням, рытвинам пошли толчки,

Скачки,

Левей, левей, и с возом – бух в ка- наву!

Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют сла-
бость ту же:

Всё кажется в другом ошибкой
нам;

А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

Слон на воеводстве

*Кто знатен и силён,
Да не умён,
Так худо, ежели и с добрым серд-
цем он.*

*На воеводство был в лесу посажен
Слон.*

*Хоть, кажется, слонов и умная
порода,*

Однако же в семье не без уроды:

Наш Воевода

В родню был толст,

Да не в родню был прост;

А с умыслу он мухи не обидит.

Вот добрый Воевода видит

—
*Вступило от овец прошение в
Приказ[12]:*

*«Что волки-де совсем сдирают
кожу с нас». —*

*«О плу́ты! – Слон кричит, – какое
преступленьё!*

*Кто грабить дал вам позволе-
нье?»*

*А волки говорят: «Помилуй, наш
отец!*

Не ты ль нам к зѣме на тулу-
пы

Позволил лёгонький оброк со-
братъ с овец?

А что они кричат, так овцы
глупы:

Всего-то прѣдет с них с сестры по
шкурке снять;

Да и того им жаль отдать».

—

«Ну, то-то ж, – говорит им
Слон, – смотрите!

Неправды я не потерплю ни в
ком:

По шкурке, так и быть, возь-
мите;

А больше их не троньте волос-
ком».

Синица

*Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по
свету речь.
Страх обнял жителей Нептуно-*

вой столицы[13];

Летят стадами птицы;
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан и жарко ли гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой,

Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,

Чтоб похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый тороватый

Не даывал секретарям.
Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждёт;

Лишь изредка иной шепнёт:
«Вот закипит, вот тотчас загорится!»

Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? – и не кипит.
И чем же кончились затеи величавы?

Синица со стыдом всвояси уплы-

ла;
Наделала Синица славы,
А море не зажгла.

Примолвить к речи здесь го-
дится,
Но ничьего не трогая лица:
Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

СВИНЬЯ

Свинья на барский двор когда-то
затесалась;
Вокруг конюшен там и кухню на-
слонялась;

В сору, в навозе извалялась;
В помоях по уши досыта накупа-
лась;

И из гостей домой
Пришла свинья свиньёй.

«Ну, что ж, Хавронья, там ты ви-
дела такого? —

Свинью спросил пастух. —

Ведь идёт слух,

Что всё у богачей лишь бисер да
жемчуг;

А в доме так одно богáтее друго-
го?»

Хавронья хрюкает: «Ну, право, по-
рют вздор.

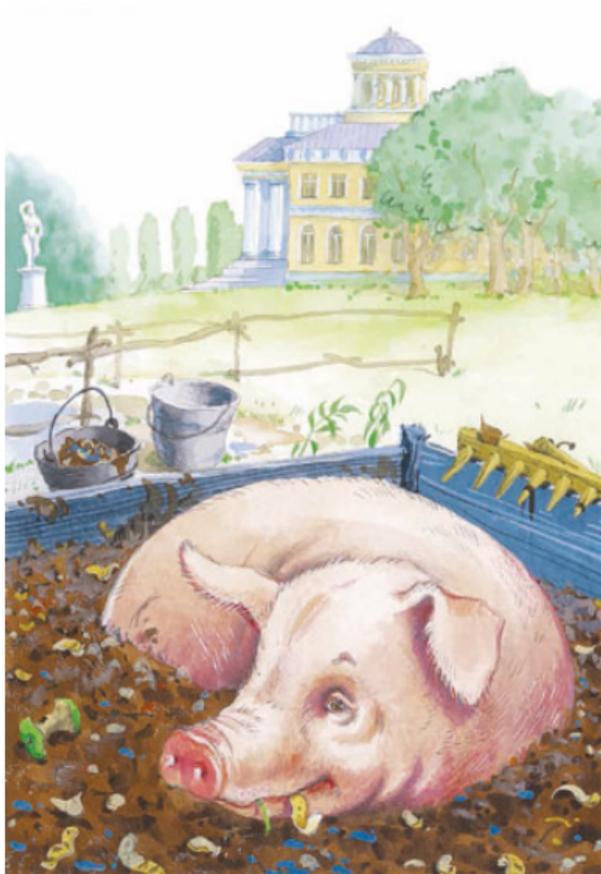
Я не заметила богатства ни-
какого:

Всё только лишь навоз да сор;
А, кажется, уж, не жалея рыла,

Я там изрыла

Весь задний двор».

Не дай бог никого сравнением мне
обидеть!
Но как же критика Хавроньей не
назвать,
Который, что ни станет раз-
бирать,
Имеет дар одно худое видеть?

Лебедь, Щука и Рак

*Когда в товарищах согласья
нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело, только
мука.*

*Однажды Лебедь, Рак да Щу-
ка
Везти с поклажей воз взя-
лись,
И вместе трое все в него впряг-
лись;
Из кожи лезут вон, а возу всё нет
ходу!
Поклажа бы для них казалась и
легка:
Да Лебедь рвётся в облака,
Рак пятится назад, а Щука тя-
нет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, –
судить не нам;
Да только воз и ныне там.*

Собака и Лошадь

*У одного крестьянина служа,
Собака с Лошадью считаются как-
то стали.*

*«Вот, – говорит Барбос, – большая
госпожа!*

По мне, хоть бы тебя совсем с

двора согнали.

Вели́ка вещь возить или па-
хать!

Об удальстве твоём другого не
слыхать:

И можно ли тебе равняться в
чём со мною?

Ни днём, ни ночью я не ведаю по-
кою:

Днём стадо под моим надзором
на лугу,

А ночью дом я стерегу». —

«Конечно, — Лошадь отвечала, —

Твоя правдива речь;

Однако же, когда б я не пахала,
То нечего б тебе здесь было и сте-
речь».

Кукушка и Орёл

*Орёл пожаловал Кукушку в Соло-
вьи.*

*Кукушка в новом чине,
Усевшись важно на осине,
Таланты в музыка свои
Выказывать пустилась:*

Глядит – все прочь летят,
Одни смеются ей, а те её бранят.

Моя Кукушка огорчилась,
И с жалобой на птиц к Орлу спешит она.

«Помилуй! – говорит, – по твоему веленью

Я Соловьём в лесу здесь названа́;

А моему смеяться смеют пенью!» —

«Мой друг! – Орёл в ответ, – я царь, но я не бог.

Нельзя мне от беды твоей тебя избавить.

Кукушку Соловьём честить я мог заставить;

Но сделать Соловьём Кукушку я не мог».

Примечания

1

Здесь: прѣма – первая скрипка, втѡра – вторая скрипка.

[^^^]

2

Развѣдаться (устар.) – свести счёты, расквитаться.

[^^^]

3

Аврора – в древнеримской мифологии богиня утренней зари.

[^^^]

4

Хищность – здесь: воровство, хищение.

[^^^]

5

Ништо́ (устар.). – Так (ему) и надо! Поделом!

[^^^]

6

Ритор (устар.) – тот, кто говорит пышными и бессмысленными фразами.

[^^^]

Лицеприязнь (устар.) – пристрастное отношение.

[^^^]

8

Зефі́р (поэт., устар.) – лёгкий ветер. Происходит от имени древнегреческого бога западного ветра.

[^^^]

Здесь: использовался против воли.

[^^^]

10

Попастъ в случай (устар.) – оказаться удачливым благодаря покровительству.

[^^^]

Исполать (устар.) – хвала, слава.

[^^^]

Приказ – в старину на Руси учреждение.

[^^^]

13

Нептунова столица – образно: море. Нептун – древнеримский бог моря.

[^^^]